

Я. А. Спасская

МОНАШЕСКИЙ ПОСТРИГ В СЕМЬЕ РЮРИКОВИЧЕЙ: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ КНЯЖЕСКОГО СТАТУСА

Аннотация

Статья посвящена исследованию вопроса о принятии представителями семьи Рюриковичей монашеского пострига. В работе рассматриваются отношение родственников и близких к пострижению, иноческая деятельность потомков Рюрика, а также трансформация княжеского статуса после ухода в обитель.

Ключевые слова

монашеский постриг, династия Рюриковичей, княжеский статус

Со времени правления Ярослава Владимировича Рюриковичи уделяли большое внимание основанию и финансовой поддержке монастырей, были тесно связаны с игуменами и подвижниками (так, Феодосия Печерского с целью духовной беседы посещал князь Изяслав [см. БЛДР 1, с. 385–425]). Зачастую правители этой династии сами принимали монашеский постриг перед кончиной. Однако жития подробно описывают уникальные случаи, когда представители княжеской семьи добровольно решали посвятить себя служению Богу в начале жизненного пути.

Источниками по данной теме являются агиографические произведения, а именно: «Житие преподобной Евфросинии Полоцкой» и «Слово о преподобном Святоше, князе Черниговском». Хотя агиографический жанр предполагает трафаретные элементы [Pratsch 2005, p. 11], в выбранных нами источниках можно найти и информацию, касающуюся исторических реалий средневековой Руси. Первый источник представляет собой памятник восточнославянской агиографической литературы XII в., сохранившийся в шести редакциях и более чем в 130 списках XVI в. [Воронова 1987]. По мнению белорусского исследователя А. А. Мельникова, житие было основано

Цитирование: Спасская Я. А. Монашеский постриг в семье Рюриковичей: особенности трансформации княжеского статуса // Человек и власть в эпоху русского Средневековья. М.: ИРЯ РАН, 2024. С. 58–62.

на записях человека из круга «слуг» Евфросинии – Михаила [Книга жыцій і хаджэн-няў, с. 25–41], А. В. Назаренко ограничивал время его составления домонгольским периодом [Назаренко 2001, с. 633]. Источник, иллюстрирующий жизнеописание Николая Святоши, дошел до настоящего времени в составе Киево-Печерского патерика и фокусируется преимущественно на описании различных монашеских подвигов [Коваленко 2011].

Первое, на чем сходятся оба жития – процесс ухода в монастырь проходил в строжайшем секрете от близких и родственников. Свидетельством этого может служить «Житие преподобной Евфросинии Полоцкой», где рассказывается о том, что постриг Предслава Георгиевна совершила в ответ на попытку насильственного замужества. Не соглашаясь отдать себя в супружество «земному смертному мужу», княжна в тайне от всех ушла в женский монастырь, игуменией которого была вдова князя Романа Всеславича, т. е. дяди Предславы. Таким образом, секретность пострига Евфросинии была связана с обязанностью заключения выгодного брака, которую на неё возлагали её титулованные родители. Другую причину сокрытия пострижения в монахи можно найти в древнейшей части Киево-Печерского патерика в рассказе о Святославе¹, старшем из сыновей черниговского князя Давыда Святославича. Будущий наследник черниговского престола также был вынужден скрывать свой постриг, так как близкие предопределили ему княжескую карьеру.

Стоит отметить, что рожденным под княжеской фамилией детям предполагалось выполнять соответствующие им почетные обязанности [Лавренченко 2021]. Не исключено, что именно уход от семейных и политических обязательств разочаровывал родителей будущих монахов сильнее, нежели само желание «пребывать в черном обличии». В подтверждение этому можно привести слова близкого к семье Давыдовичей лекаря-сирийца по имени Петр. Он, от лица братьев Николая Святоши, порицал его: «Кий убо князь се сътвори? Или блаженный отец твой Давидъ, или дѣд твой Святославъ...» [Абрамович 1930, с. 115], делая акцент на том, что поступать подобным образом, т. е. отречься от княжения и становится монахом, не подобает наследнику престола.

Из близких Евфросинии Полоцкой именно ее отец, Георгий Всеславич, наиболее радикально отреагировал на решение дочери. Князь, исходя из житийного текста, не одобрял решение о пострижении не только своей старшей дочери, но и ее последовательниц, которыми стали Городислава Георгиевна и Звенислава Борисовна. Вероятно, это было вызвано исключением сразу трех претенденток на заключение династических браков, которые существенно расширили бы политические возможности семьи. Известно, что перед постригом Евфросинии обсуждался вопрос о ее замужестве [ПСРЛ 21, с. 207]. Кроме того, очевидно, благородный родитель переживал за здоровье своей «отроковицы», поскольку монашеская жизнь предполагала чрезвычайно сложные испытания, в том числе физические работы и воздержание в пище. Последний аргумент фигурирует и в словах близких Николая Святоши, которого неоднократно укорял его лекарь Петр: «...Изяславъ и Владимиръ велику укоризну имѣта собѣ нишетою твоею, како от таковыа славы и чести въ послѣднее убожество прииде, еже уморяти тѣло свое и датися в недугъ неподобныа пища» [Абрамович 1930, с. 114]. Действительно, образ монашеской жизни мог отрицательно сказаться как на состоянии здоровья подвизавшегося, так и на статусе всей княжеской семьи, т. к. подобные воздержания представителя династии могли вызвать негативную

¹ Свое родовое княжеское имя этот князь унаследовал от деда – Святослава Ярославича. Никола – это иноческое имя Святослава Давыдовича, которое, вероятно, было получено им при крещении [см. Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. 2017, с. 89]. Появление имени *Святоша* либо было связано с его монашеской деятельностью и являлось своеобразным прозвищем или эпитетом, либо было вызвано потребностью отличать Святослава Давыдовича от его прославленного деда [см. Литвина, Успенский 2006, с. 442].

реакцию в общественном мнении. Образ слабого и больного бывшего наследника престола вероятно мог считаться поводом для падения репутации всей черниговской ветви Рюриковичей, поскольку в лице будущего правителя метафизически олицетворялось состояние его владения [Вигарелло 2012, с. 297–310].

Примечательно, что подобное сопротивление принятию человеком пострига со стороны его семьи было весьма распространенным явлением. С этой проблемой столкнулись не только представители княжеской семьи, но и многие другие. Так, Феодосий Печерский, отправившись с паломниками в места пребывания Иисуса Христа, был настигнут матерью, явно противившейся желанию сына служить Богу. «Тольми же гнѣвъмь одръжима, яко и въ домъ ей пришьдъши, бити и, дондеже изнеможе», – повествуется в житии [БЛДР 1, с. 358]. Следовательно, принятие пострига как представителями княжеской династии, так и выходцами из других слоев общества зачастую встречало сопротивление и неодобрительное отношение со стороны родителей.

Наибольший интерес вызывает вопрос о статусе представителей Рюриковичей, постриженных в монахи. В источниках житийного жанра содержится большое количество сведений о иноческих деяниях Евфросинии и Николая. Исследуя житие преподобной, можно сделать вывод о том, что основные ее усилия заключались в образовательной и просветительской деятельности многих людей. Во-первых, Евфросиния способствовала формированию культурного центра Полоцкой земли, местом нахождения которого стал Софийский собор. Здесь она «...начат книги писати своима рукама, наем емлющи, требующим даяше...» [ПСРЛ 21, с. 209]. Во-вторых, в церкви Св. Спаса в местечке Сельцо блаженная устроила при обители школу для девиц, желавших в чистоте послужить Господу Иисусу Христу. Таким образом, Евфросиния стала наставницей и руководительницей для юных особ, отрекавшихся от мира и облачавшихся в чернеческие ризы. Интересно, что ее последовательницами стали прежде всего представительницы женской части княжеской семьи. В частности, ее родная сестра – Городислава и дочь князя Бориса – Звенислава, а также племянницы Кироанна и Ольга. Вероятно, принятие решения о пострижении проходило легче и успешнее благодаря близким связям с родственницей. В-третьих, деятельность Евфросинии способствовала появлению в Полоцке Эфесского облика Святой Богородицы. Произошло это событие около 1160 г. [Шалина 1996]. Таким образом, Евфросиния после пострижения совершила множество разнообразных благих дел, в том числе с ее помощью были установлены контакты с византийцами, т. е., будучи игуменией, она не была полностью отречена от внешнего мира. Напротив, ей удалось сохранить международные связи, финансовые возможности представителя княжеской династии, авторитет и т. д., которые способствовали возвышению статуса Полоцка.

Не менее интересны поступки монаха Киево-Печерского монастыря преподобного Николая Святоши. Во-первых, в Киево-Печерском патерике подчеркивается, что он первый из княжеской династии, кто решил посвятить свою жизнь служению Богу. Его постриг, по мнению самого Святоши, должен был стать образцом для подражания. Об этом свидетельствует изречение самого монаха: «Аще же ни единъ князь сего не сътворилъ прежде менѣ, предвождай да авлюся имъ: якоже ли поревнуеть сему, и да въслѣдуеть сему и мнѣ» [Абрамович 1930, с. 115]. На практике миссионерская деятельность Святоши была успешна. Так, например, его лекарь Петр, уверовав в силу Божью, по примеру своего господина принял монашеский постриг. Не исключено, что именно княжеский авторитет, которым продолжал обладать монах, во многом способствовал успешной реализации проповедничества.

После принятия пострига многочисленные княжеские привилегии становятся недоступными как для Евфросинии, так и для Николая. С момента обращения в иноческий образ им приходится подчиняться вышестоящим церковным иерархам. Так, Евфросинии, для того чтобы сменить место своей деятельности, следовало получить разрешение полоцкого епископа Ильи, без благословения которого она не смогла бы

этого совершить [ПСРЛ 21, с. 209]. Соответственно все указания того же епископа ей приходилось выполнять независимо от своего желания и интереса. Напротив, будучи княжной, она сама руководила своими действиями и давала распоряжения слугам. К тому же, поскольку Илья был епископом, а, следовательно, имел церковный чин выше, чем у новоиспеченной черницы, Евфросинии следовало обращаться к нему «Отче господине» [ПСРЛ 21, с. 210], тогда как раньше подобным образом она обращалась лишь к своему родителю.

Впрочем, не стоит говорить о полной утрате достоинств, присущих княжеским наследникам. Так, на примере Святоши мы видим, что, будучи в обители Киево-Печерского монастыря, монах не был лишен своего княжеского авторитета. В тексте Ипатьевской летописи содержится информация о его посреднической деятельности. В 1142–1143 гг. между черниговскими князьями и потомками Владимира Мономаха, а именно переяславским князем Вячеславом Владимировичем, владимирским князем Изяславом Мстиславичем и смоленским князем Ростиславом Мстиславичем, разгорелся конфликт, причиной которого послужил невыгодный раздел земель. «И посла по нихъ Всеволодъ брата своего Святошу», – повествуется в летописи [ПСРЛ 2, с. 312]. Безусловно, подобная практика вовлечения церковных иерархов в разрешение междоусобных конфликтов нередко применялась в средневековой Руси. Однако успешный результат этого посредничества во многом определяется именно княжеским происхождением Николая Святоши². Конфликтующие стороны примирились, следуя совету и монаха авторитетного монастыря, и представителя черниговской династии. Еще одним показателем сохранения княжеского авторитета является обращение Петра к Николаю как князю: «О, княже!», – говорил лекарь [Абрамович 1930, с. 114]. Таким образом, принявшие монашеский постриг Евфросиния и Николай лишались практически всех княжеских привилегий, но сохраняли свой авторитет. При этом они были вынуждены выполнять обязанности монашествующего, суть которых была полностью противоположна тому, что было предписано им по праву рождения в княжеской семье.

Говоря о монашеском постриге в семье Рюриковичей, нужно отметить, что он практиковался в связи с желанием отдельных ее членов посвятить жизнь служению Богу. При этом подобные решения встречали сопротивление и негативную оценку среди близких и родственников, так как предполагали уход от княжеских обязанностей, присущих им по праву рождения. Будучи постриженными, представители рода Рюриковичей вели активную деятельность, в том числе участвовали в разрешении политических конфликтов, поскольку сохраняли за собой некоторые княжеские привилегии и авторитет представителя династии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Абрамович 1930 — Абрамович Д. И. Киево-Печерский патерик. Киев: Типография Всеукраинской Академии наук, 1930. 234 с.

БЛДР 1 — Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. 543 с.

Книга жыцій і хаджэнняў — Книга жыцій і хаджэнняў. Уклад. Мельнікаў А. А. Мн.: Маст. літ., 1994. 504 с.

ПСРЛ 21 — Полное собрание русских летописей. Т. 21. Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. 350 с.

ПСРЛ 2 — Полное собрание русских летописей. Т. 2.: Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. 638 с.

² Примером неудачной посреднической практики являются малоуспешные переговоры Нифонта с суздальцами, в результате которых жителей Новгорода и Суздаля не удалось примирить [ПСРЛ, т. 4, ч. 1, с. 152].

ПСРЛ 4 — Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1.: Новгородская четвертая летопись. Т. 4. Ч. 1. Пг.: Типография Я. Башмаков и Ко, 1915. 320 с.

Литература

Вигарелло 2012 — Вигарелло Ж. Тело короля // История тела: Соч. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения. С. 297–310.

Воронова 1987 – Воронова Е. М. Житие Евфросинии Полоцкой // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI – первая половина XIV в. Л.: Наука, 1987. С. 147–148.

Коваленко 2011 — Коваленко В. П. Жизнь и житие св. прп. князя Николы Святоши: возможности реконструкции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3(45). С. 56–57.

Лавренченко 2021 — Лавренченко М. Л. «Старшинство» русских князей – вопрос политики или устройства семьи? // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского 2021. № 4. С. 43–52.

Литвина, Успенский 2006 — Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: династическая история сквозь призму антропониимики. М.: Идрик, 2006. 908 с.

Назаренко 2001 — Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII веков. М.: Изд-во «Языки русской культуры», 2001. 780 с.

Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. 2017 — Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. 342 с.

Шалина 1996 — Шалина И. А. Богоматерь Эфесская – Полоцкая – Корсунская – Торопецкая: Ист. имена и архетип чудотворной иконы // Чудотворная икона в Византии и Др. Руси. М.: Мартис, 1996. С. 200–236.

Pratsch 2005 — Pratsch T. Hagiographische Topos Griechische Heiligenviten in Mittelbyzantinischer Zeit. Berlin. New York: Walter de Gruyter, 2005. 475 p.

Сведения об авторе

Яна Александровна Спасская, студентка 3-го курса
Ярославского Государственного университета им. П. Г. Демидова
150003, Ярославль, ул. Советская, д. 14
ja.spasskaya@yandex.ru

Ya. A. Spasskaya

MONASTIC TONSURE IN THE RURIKID: TRANSFORMATION OF PRINCELY STATUS

Abstract

The paper is devoted to the current study of the issue of taking monastic vows by representatives of the Rurikovich family. The work examines the attitude of the relatives and the loved ones to tonsure, the monastic activity of Rurik's descendants, as well as the transformation of the princely status after leaving the monastery.

Keywords

monastic tonsure, Rurik dynasty, princely status